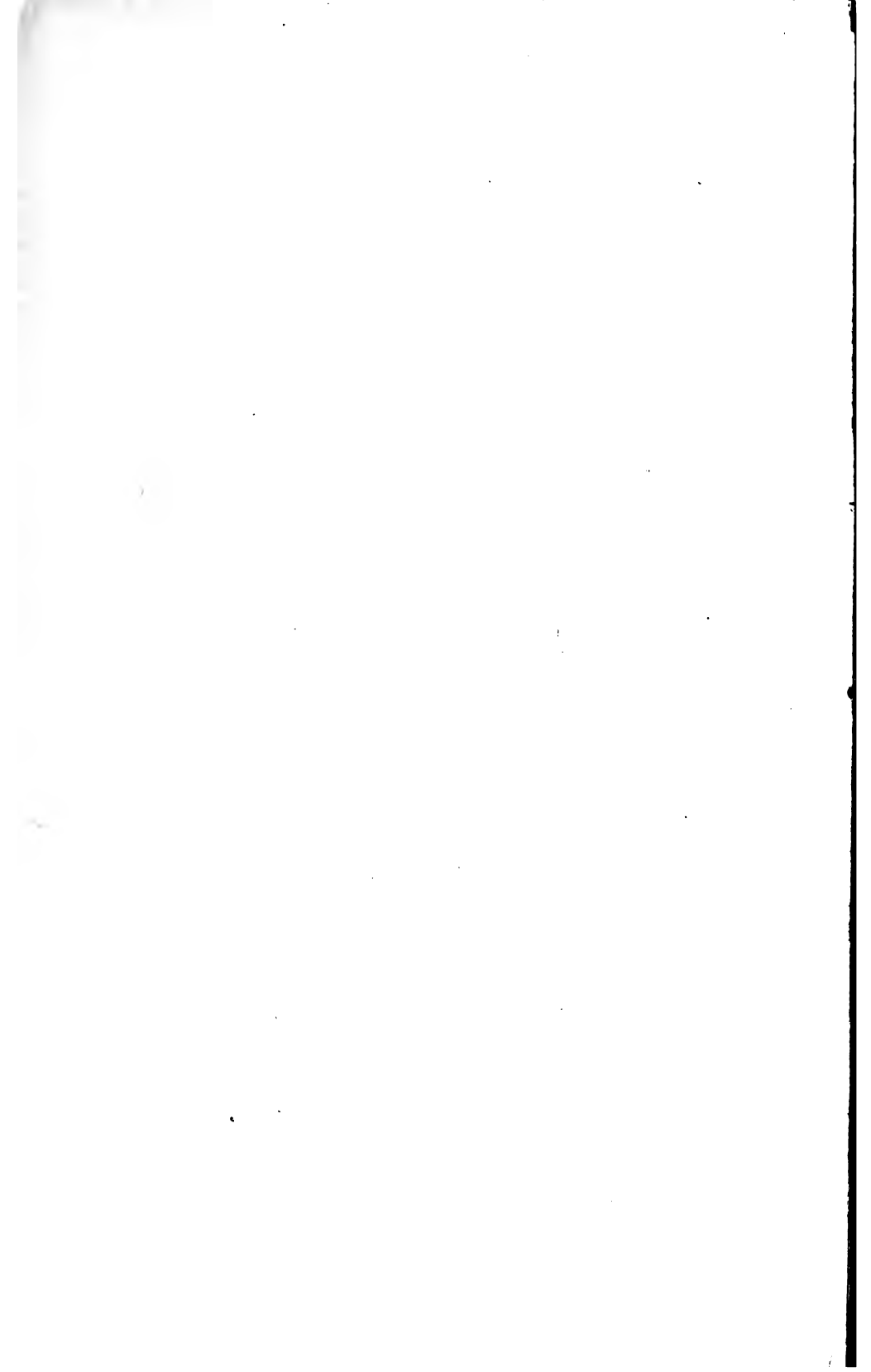

Bind

Slav 4336.9.341

ВОСПОМИНАНІЯ.

О

Н. А. Бѣлоголовый.

ВОСПОМИНАНІЯ

И

ДРУГІЯ СТАТЬИ.

Съ 3 портретами автора, портретами П. И. Борисова, А. П. Юшневскаго, А. В. Поджіо. Гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, С. П. Боткина, М. Е. Салтыкова, видомъ могилы Н. А. Бѣлоголоваго и

біограф. очеркомъ и воспомин. Г. А. Джаншіева и В. А. Крылова.

3-е ИЗДАНИЕ.

МОСКВА.

Типо-лит. К.В. Александрова, Арбатъ, бл. Арбатскихъ вор., д. Платонова.

1898.

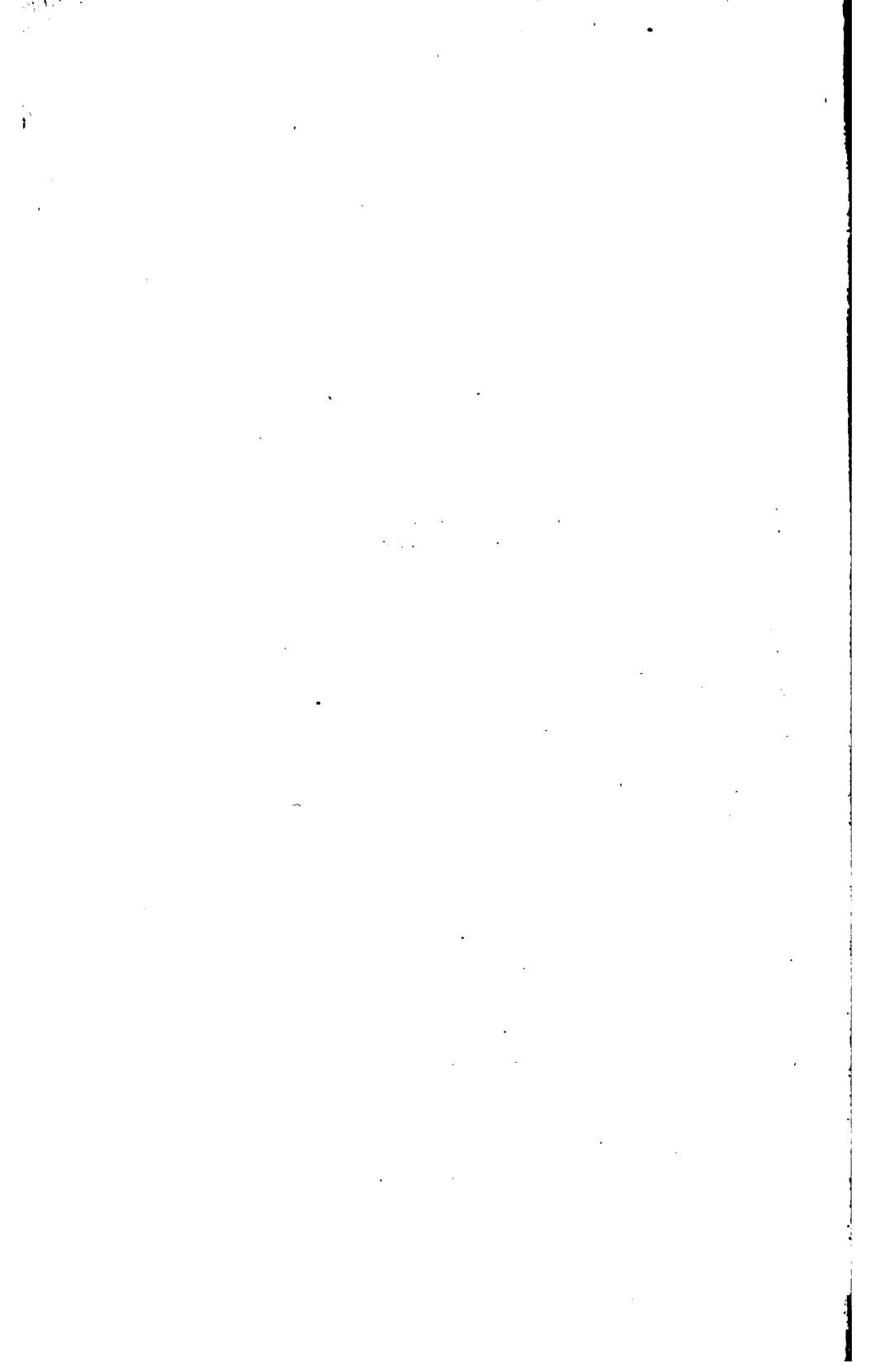
Slav 4336.9.381

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD GARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія.	Стр. VII
Н. А. Бѣлоголовый.—Г. А. Джаншѣва.	X
Памяти Н. А. Бѣлоголоваго.—В. А. Крылова	XXXIII
Воспоминанія Г. Д.	XXXI

1. Воспоминанія о декабристахъ.	1
2. А. В. Поджіо.	81
3. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.	156
4. М. Е. Салтыковъ.	194
5. Изъ переписки съ М. Е. Салтыковымъ.	223
6. С. П. Боткинъ.	251
7. Болѣзнь Н. А. Некрасова.	376
8. Кое-что о болѣзни И. С. Тургенева.	409
9. Гигіена и демографія.	420
10. Клиническій профессоръ Полунинъ	444
11. Поѣздка на Уралъ въ 1866 году.	452
12. На о. Рюгенъ.	496
13. Изъ Сибирскихъ воспоминаній.	510
14. Три встрѣчи съ Герценомъ.	532
15. Свиданіе съ гр. Л. Н. Толстымъ	550

Вмѣсто предисловія къ 1-му изданію.

Немногіе изъ общественныхъ дѣятелей оставляютъ послѣ себя такую чистую, свѣтлую, такую добрую и славную память, какую оставилъ авторъ настоящей книги, знаменитый врачъ-гуманистъ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. Въ удивительной гармоніи сочетались въ этой крупной, граждански-развитой и стойкой личности высокія качества сердца, ума и характера, не только не заслонявшія одно другое, какъ это къ сожалѣнію не разъ встрѣчается въ жизни, но прекрасно дополнявшія другъ друга. Образцовый семьянинъ, нѣжный и почтительный сынъ, любящій братъ, попечительный родственникъ, идеальный мужъ, слившійся во-едино съ личностью своей подруги жизни, въ теченіе долгихъ лѣтъ супружеской жизни ни разу съ нею не расстававшійся,—Н. А. обладалъ любвеобильнымъ, чуткимъ сердцемъ, которое было широко раскрыто не для однихъ семейныхъ привязанностей, но и для дружбы теплой, для прочныхъ нравственныхъ привязанностей. Всѣ, кому выпало высокое счастье быть приобщеннымъ къ нимъ,—а такихъ лицъ было не мало, начиная отъ декабристовъ, которые годились въ отцы Н. А.-чу и кончая людьми нашего поколѣнія, которые годились ему въ дѣти,—согласятся со мною, если я скажу, что дружба Н. А.-ча была для нихъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній всей жизни.

Не меньшею широтою и глубиною отличались и общественныя симпатіи этого всесторонняго альтруиста, умѣвшаго согласовать разнаго рода общественно-концентрическія привязанности, кажущіяся недостаточно развитымъ умамъ взаимно исключаящими. Страстно любя свою молодую, обездоленную родину Сибирь, Н. А. всѣми фибрами души былъ привязанъ и къ Россіи, духовными интересами коей онъ жилъ и дышалъ до послѣдняго вздоха,—но любовь къ Россіи, не мѣшала ему питать глубочайшее уваженіе къ европейской, точнѣе ко всемир-

ной, общечеловѣческой культурѣ, насажденіе коей въ Россіи онъ считалъ первымъ и самымъ священнымъ долгомъ всякаго друга русскаго народа.

Отъ природы Бѣлоголовый былъ одаренъ мягкимъ сердцемъ, но душевная теплота одна сама по себѣ, и даже въ связи съ добрымъ влияніемъ дружной семейной жизни, не могла бы изъ него выработать того цѣльнаго гражданина и отзывчиваго на все доброе, челоуѣка, съ хорошо сознанными требованіями вѣка и крѣпкими нравственными принципами, какимъ его знали всѣ, знавшіе его. Въ формированіи характера и міросозерцанія Бѣлоголоваго прежде всего слѣдуетъ отмѣтить плодотворное влияние семейнаго режима, чуждаго крайностей, какъ распушенности, такъ и жесткой дисциплины, и его первыхъ учителей декабристовъ, подъ руководствомъ коихъ прошло его первоначальное ученіе. Нельзя не отмѣтить и полученное имъ прекрасное среднее образованіе, чуждое казенной муштровки, а также университетское благотворное влияние времени Грановскаго и, наконецъ, тотъ высокій нравственный подъѣмъ, который коснулся въ концѣ 50-хъ годовъ всего, что было въ Россіи мыслящаго и разумѣющаго, свѣжаго и порядочнаго. Таковы факторы, сформировавшіе изъ даровитаго сибирскаго купеческаго сына одного изъ лучшихъ русскихъ врачей, одного изъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ гражданъ, который смѣло могъ сказать: *homo sum et nihil humani a me alienum puto*.

Считаю излишнимъ и даже неумѣстнымъ передавать здѣсь подробности о воспитаніи и ученіи Бѣлоголоваго. Въ печатаемыхъ ниже воспоминаніяхъ его о декабристахъ, о Боткинѣ и др. съ такою правдивостью и рельефностью очерченъ кругъ лицъ и впечатлѣній, окружавшихъ дѣтство и юность Н. А., что пришлось бы только повторять, а то и портить эти прелестныя картины съ натуры, написанныя любящею и признательною рукой. Пусть читатель самъ испытаетъ всю обаятельную свѣжесть этихъ безыскусственныхъ дружескихъ воспоминаній, отъ коихъ вѣетъ какою-то чисто эническою простотою и юношескою задумчивостью, нерѣдко однако достигающихъ художественной яркости и глубокаго потрясающаго лиризма, какъ напр. въ разсказѣ о Поджіо. Вы невольно поддаетесь очарованію дружескаго пера: вы невольно полюбите героевъ автора воспоминаній, а также и... самого автора. Несмотря на всѣ усилія его, автора, ступешаться самому и выдвигать на первый планъ своихъ учителей и друзей, его любящая натура, его вдумчивый умъ, открытый, благородный харак-

теръ, крѣпкій нравственный закалъ и твердость въ привязанностяхъ просвѣчиваютъ на каждомъ шагѣ. — Характеризуетъ-ли онъ взглядъ Поджіо на обязанности гражданина, обсуждаетъ-ли принципы медицинской школы Боткина или политической программы Лорисъ-Меликова, — Бѣлоголовый обрисовывается во весь ростъ со своими твердыми, благородными, гуманно-освободительными политическими принципами и крѣпкими нравственными устоями.

Въ виду сказаннаго, отсылая читателя къ самимъ произведеніямъ Бѣлоголоваго, какъ лучшимъ источникамъ для уясненія личности его, тутъ мы ограничимся немногими біографическими штрихами ¹⁾).

Августъ 1897 г.

Москва.

Р. S. Приводимъ отчетъ о первыхъ двухъ изданіяхъ «Воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго». Получено отъ продажи 1-го веленоваго изданія 2,202 р., 2-го изданія—2,382 р. Поступило отъ С. П. Бѣлоголовой 1,000 р. и гонораръ за статьи Бѣлоголоваго изъ *Русск. Вѣд.*—761 р. 30 к., итого 6,348 р. 30 к. Уплачено типографіи Александрова 1,409 р. 65 к., компаніи Говарда за бумагу—1,330 р., Ренару за влише—150 р., за объявленія въ *Нов. Врем.* (*Русскія Вѣдомости и Вѣстникъ Европы* объявленія печатали бесплатно)—9 р. 60 к., итого 2,899 р. 25 к., остатокъ—3,449 р. 5 к., изъ коихъ С. П. Бѣлоголовой 1,000 р. пожертвовано въ женскій медицинскій институтъ для образованія преміи имени Н. А. Бѣлоголоваго и 1,000 р. въ литературный фондъ—въ капиталъ его же имени. Остальная сумма 1,449 р. 5 коп. переносится на счетъ настоящаго, печатающагося въ количествѣ 3600 экземпляровъ, также съ благотворительною цѣлью, 3-го изданія.

Москва.

Мартъ 1898 г.

1) Въ настоящее изданіе, за немногими изыятіями, вошло все, что осталось въ бумагахъ Бѣлоголоваго, а также и то, что печаталось имъ въ Россіи.

Д-ръ Н. А. Бѣлоголовый.

Род. 5 октября 1834 г. † 6 сентябрь 1895 г.

Н. А. Бѣлоголовый родился въ Иркутскѣ въ старинной купеческой семьѣ. — Отецъ Бѣлоголоваго, человѣкъ начитанный и близко стоявшій къ декабристамъ, рѣшилъ дать дѣтямъ наилучшее образованіе. — Первыми учителями Бѣлоголоваго были жившіе недалеко отъ Иркутска декабристы: П. И. Борисовъ, А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо, съ которыми онъ завязалъ дружескія отношенія на всю жизнь. — Добродушный и аккуратный, способный и трудолюбивый, Н. А. уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ любознательность и страсть къ чтенію, которая, благодаря методическому руководству названныхъ наставниковъ, получила разумное направленіе и цѣлесообразное питаніе.

Среднее образованіе Н. А. получилъ въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ Эннеса, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1850 г. вмѣстѣ съ знаменитымъ своимъ другомъ С. П. Боткинымъ.

Любя страстно русскую литературу, Н. А. намѣревался поступить на словесный факультетъ, но какъ разъ передъ этимъ обскурантамъ удалось ввести въ университеты, кромѣ медицинскаго факультета, комплектъ въ 300 человѣкъ, и Бѣлоголовый, какъ и С. П. Боткинъ, чтобы не остаться за порогомъ университета, вынужденъ былъ поступить на медицинскій факультетъ Московскаго университета.

Рѣдко, когда злая судьба дѣлала безсознательно такое доброе дѣло. Изъ даровитаго Бѣлоголоваго вышелъ блестящій медикъ, превосходно изучившій свою науку, но вмѣстѣ съ глубокими знаніями по своей специальности соединившій рѣдкое человѣколюбіе, безкорыстіе и не-

обыкновенно живой интерес къ общественнымъ дѣламъ. На нравственное и политическое развитіе Н. А., безъ сомнѣнія, оказало самое

Н. А. Вѣлоголовый (1860 г.).

сильное вліяніе въщее слово допѣвавшего свою лебединую пѣснь великаго учителя—Грановскаго, но едва ли не большее еще вліяніе на

дальнѣйшую дѣятельность и направленіе имѣло то юношеское, бодрое настроеніе, которое охватило все, что было живаго и мыслящаго въ Россіи, съ воцареніемъ Александра II. Къ этой свѣтлой полосѣ русской жизни,

Когда раскрывалась грудь надеждъ
И мечтамъ о счастья земномъ,

когда не только юноши, но и старцы мечтали осуществить

Святыя бредни юныхъ дней,

относится начало общественной дѣятельности Н. А.

Какъ разъ въ эту грозную, но памятную весну 1855 г. Бѣлоголовый сбрасывалъ съ себя студенческій мундиръ, чтобы надѣть сначала казенный мундиръ городского врача, а затѣмъ вскорѣ смѣнить этотъ мундиръ на *toга virilis* русскаго убѣжденнаго, вольнолюбиваго гражданина, образъ котораго сталъ обрисовываться въ это время въ туманной перспективѣ будущаго и энергіею котораго созидались и сохранялись всѣ культурныя приобрѣтенія послѣдующаго времени.

По окончаніи курса въ университетѣ, Н. А. отправился на родину, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто Иркутскаго городского врача. Даровитый врачъ, внимательно слѣдящій за движеніемъ науки, гуманный, общедоступный, безкорыстный, безукоризненный блюститель всѣхъ требованій медицинской этики и съ независимымъ характеромъ — находка и не для Иркутска, а потому Бѣлоголовый сразу занялъ видное и почетное мѣсто, импонируя какъ всемогущей администраціи, привыкшей къ раболовству, такъ и мѣстному обществу, привыкшему дотошъ уважать только деньги и власть. Вскорѣ по поступленіи Н. А. на общественное поприще стали обнаруживаться, по окончаніи крымской войны, первые проблески пробужденія Россіи и первые признаки предстоящей отмѣны крѣпостнаго права. Отдаленные отголоски начинавшагося общественного пробужденія чрезъ журналы и устную молву стали доходить и до далекой Сибири, и здѣсь университетская молодежь не менѣе радостно, нежели въ коренной Россіи, привѣтствовала занимающую зарю освобожденія.

Бѣлоголовый всегда живо интересовавшійся литературою и журналикою, всегда горячо принимавшій къ сердцу общественные вопросы, съ восторгомъ пошелъ навстрѣчу зачинавшемуся общественному возрожденію. Какъ ни мало оставляли досуга ему официальные обязан-

ности и практика, какъ ни плохо подготовлена была въ сибирской глуши 50-хъ годовъ почва для общественной самостоятельности, Бѣлоголовый своимъ убѣжденнымъ словомъ и благороднымъ характеромъ умѣлъ расшевелить косность своихъ товарищей по профессіи, а впоследствии въ Иркутскѣ образовалъ медицинскій кружокъ, который обсуждалъ научные медицинскіе вопросы, а также вопросы медицинской этики. Какъ извѣстно, къ этому же времени относятся первыя печатныя разоблаченія злоупотребленій общерусской и сибирской администраціи. Объ одномъ изъ нихъ, касавшемся Молчанова, появилась корреспонденція въ *Колоколъ*. Введенный въ заблужденіе, Герценъ опровергъ впоследствии сообщенное извѣстіе. Нужно вспомнить о томъ чрезвычайномъ авторитетѣ, какимъ пользовался въ то время *Колоколъ* въ высшихъ сферахъ, чтобы понять ликованіе друзей Молчанова. Они уже считали побѣду окончательно на своей сторонѣ, но тутъ вступилъ въ дѣло Бѣлоголовый. Никогда не знавшій Герцена, онъ поѣхалъ къ нему за-границу и съ документами въ рукахъ доказалъ ему, что онъ введенъ друзьями въ заблужденіе. Вотъ съ какимъ участіемъ и жаромъ относились люди того времени къ общественнымъ вопросамъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Бѣлоголовый поѣхалъ въ Москву держать экзаменъ на доктора медицины. Въ это время дѣла отца его разстроились. Съ очень ограниченными средствами Н. А. поѣхалъ послѣ экзамена за границу писать диссертацию. Диссертацию писалъ онъ два года, терпя сильную нужду. Выбирая самое дешевое мѣсто, онъ остановился на о. Рюгенъ на Балтійскомъ морѣ. Здѣсь онъ нанималъ уголь въ лавкѣ мелочнаго торговца и, занимаясь составленіемъ диссертации, въ отсутствіе хозяина долженъ былъ принимать покупателей¹⁾. Въ 1862 году

¹⁾ Въ это время Бѣлоголовый находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Г. А. Захарьинимъ, съ которымъ впоследствии рѣзко разошелся не только въ политическихъ воззрѣніяхъ, но и въ пониманіи правилъ медицинской этики. Въ одномъ изъ писемъ (письмо 25 іюля 1861 г.) Захарьинъ, между прочимъ писалъ изъ Москвы Бѣлоголовому: „По университету есть важныя новости: во 1-хъ, отъ взноса денегъ увольняются не всѣ, представившіе свидѣтельство о недостаточности состоянія (какъ было прежде), а только съ каждой губерніи отъ выдержавшихъ отлично университетскій экзаменъ и изъ нихъ одинъ долженъ быть непременно воспитанникъ гимназій. Вступительные университетскіе экзамены будутъ держаться не въ университетѣ, какъ прежде, а въ гимназіяхъ, — въ присутствіи, гдѣ это возможно, депутатовъ со стороны университета. Студенческая форма совершенно уничтожается: студенты одѣваются, какъ и прочіе смертныя. Доходы университета, имѣющіе якобы увеличиться отъ вышеозначенной мѣры, пойдутъ на „усиленіе жалованья“ про-

появилась его диссертация въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «О всасываніи солей кожей». Послѣ блестящей защиты диссертации Н. А. намѣревался вернуться на родину, но Боткинъ и др. уговорили его остаться въ Петербургѣ.

Съ половины 60-хъ годовъ до 1881 года Бѣлоголовый жилъ въ Петербургѣ, выѣзжая ежегодно за границу на нѣсколько мѣсяцевъ съ неизмѣнною спутницею женою своею Софьею Петровною — для отдыха и освѣженія. Съ самаго начала Н. А. занялъ въ Петербургѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ медицинскомъ мірѣ, гдѣ общепризнанное первое мѣсто занималъ великій С. П. Боткинъ. Это первенство извѣст-

фессорамъ. Я, хотя и выгодно заинтересованный, противъ этой мѣры. Въ принципъ оно, конечно, справедливо: государство, конечно, ничего не можетъ давать даромъ; противное мнѣніе, какъ вамъ извѣстно, фикція; и всякій, кто получаетъ образованіе, долженъ и платить за это. Но я полагаю, что у насъ на Русь слѣдовало бы *поверженіе* съ проведеніемъ здоровыхъ экономическихъ началъ въ области народнаго образованія: финансовая потеря или, правильнѣе, неправильная раскладка расходовъ тутъ не Богъ знаетъ какаѧ, а образованіе-то намъ крайне нужно, — есть много другихъ сферъ, гдѣ приложеніе названныхъ началъ гораздо важнѣе и гораздо настоятельнѣе. 50 р. въ годъ т. е. 200—250 во все время университетскаго курса довольно много для бѣднаго человѣка и, пожалуй, во многомъ ограничить то право на высшее образованіе, которое, по Положеніямъ 19-го февраля, приобрѣтають бывшіе крѣпостные. Еще: стипендіи будутъ выдаваться не бѣднѣйшимъ, какъ прежде, а достойнѣйшимъ (по успѣхамъ) и, конечно, бѣднымъ. 2-я новость — образъ назначенія ректора: все будетъ по старому, т. е. ректоръ будетъ выбираться профессорами... Что сказать вамъ объ общемъ теченіи дѣлъ? Не разберешь хорошенъко, куда текутъ они не то *clorip*—*clorip*, по почтенной стезѣ умѣренного либерализма, не то по торной дорогѣ реакціи. Дурныхъ слуховъ больше, чѣмъ хорошихъ, какъ можетъ быть и всегда (*sic*) бываетъ. Противъ цензуры стоитъ стонъ жалобъ: *il ny a qu'une voix là-dessus*. Крайне нужныхъ, давно ожидаемыхъ мѣръ въ судопроизводствѣ и въ финансовомъ мірѣ пока все еще нѣтъ; онѣ все еще *sind in Werden begriffen*. Финансовое положеніе по общимъ отзывамъ ужасно: всѣ жалуются на *Geldklemme* и на страшную дороговизну, что и понятно, потому что золото стоитъ 5 р. 80 к. т. е. за рубль бумажками даютъ только 87 к. сер. Крестьянскія волненія поутихли; кажется, что всѣ доселѣ бывшія волненія зависѣли не оттого, что крестьяне поняли *положеніе* (к. п.) и остались недовольны имъ, а оттого, что они не поняли, что очень понятно. Останутся ли они довольны *положеніемъ* (к. п.), когда поймутъ его, покажетъ будущее. А кажется, что надо будетъ обратиться въ этомъ будущемъ съ горячей мольбой къ тучегонителю Зевсу: особенно хорошаго оно мало сулитъ... Чтобы разсѣять грустное впечатлѣніе, которое, конечно, произвести эти извѣстія, заканчиваю *pour la bonne bouche* прият-

наго во всей Европѣ клинициста не положило ни малѣйшей тѣни на ихъ взаимныя дружескія отношенія. Бѣлоголовый былъ и остался до конца жизни самымъ горячимъ поклонникомъ своего даровитаго друга и послѣ смерти его написалъ лучшую его біографію появившуюся въ сборникѣ Павленкова «Жизни замѣчательныхъ людей» ¹⁾. Боткинъ

ною новостью... Зная ваше благочестіе, я увѣренъ, что это извѣстіе изгладитъ предыдущее непріятное впечатлѣніе и укрѣпитъ вашу надежду на силу и жизненность русскаго міра. Что сказать вамъ о себѣ? Въ іюлѣ я занимался литературою (читалъ Бѣкка, о которомъ мы вѣроятно потокуемъ съ вами) и началъ заниматься, что продолжаю до сихъ поръ съ переменнымъ успѣхомъ, потому что занятіямъ мѣшали жары, intermittens, отъ которыхъ у меня до сихъ поръ осталась порядочная слабость (подивитесь, какой я вѣрный Berichtserstatter) эпизодъ чуднаго психическаго состоянія—можетъ быть, послѣдній привѣтъ отлетающей юности, о которомъ не распространяюсь, какъ о предметѣ хотя и высокому, но исключительно малаго интереса.

Вы должны быть довольны моимъ письмомъ (оно и написано съ цѣлью доставить вамъ удовольствіе — въ отплату за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ): я уже лѣтъ 5 не посылалъ такихъ писемъ; собираясь писать его, я даже съ полчаса думалъ и обдумывалъ вѣрный отчетъ о нашемъ теперешнемъ состояніи; я знаю, какъ вы *принимаете къ сердцу* извѣстіе объ этомъ. Сердечно жалѣю, что не могъ порадовать лучшимъ. Храня васъ Зевесъ, дорогой мой Николай Андреевичъ, и помощи одолѣть диссертацию“.

¹⁾ Въ біографіи Боткина, написанной Бѣлоголовымъ, пишется не одна мѣткая характеристика его alter ego Боткина, вполне примѣнимая и къ Бѣлоголову. Сравнивая Боткина съ тѣми клиницистами, которые смотрятъ на больныхъ, какъ на безжизненный терапевтическій матеріалъ, Бѣлоголовый пишетъ: „въ противоположность этому Боткинъ былъ воплощенная человѣчность и доброта: онъ такъ мягко и участливо обходился съ больными, что одними этими врожденными своими качествами приобреталъ неограниченное довѣріе больныхъ, при чемъ такая естественная гуманность, чуждая всякой сентиментальности, оказывала прекрасное воспитательное дѣйствіе на слушателей, неизбѣжно привыкавшихъ даже въ вѣнскихъ приемахъ подражать обаятельной личности учителя и дѣлала его клинику, при всѣхъ прочихъ его медицинскихъ достоинствахъ, самою образцовою школою для будущихъ врачей“. „Не только добросовѣстная точность и напряженная внимательность, съ какими Боткинъ изслѣдовалъ больного, говоритъ въ другомъ мѣстѣ біографъ его, и привѣтливая вѣншность, сквозь которую ярко просвѣчивалась необыкновенная человѣчность, искреннее участіе къ страждущему и еще болѣе искреннее желаніе помочь ему — дѣлали изъ него идеальнаго врача, производившаго на всѣхъ, обращающихся къ нему, захватывающее впечатлѣніе и убѣжденность, что если возможно исцѣленіе отъ серьезнаго недуга, то только при содѣйствіи Боткина“. (См. стр. 29 и 39 брошюры Бѣлоголоваго—С. П. Боткинъ, его жизнь и дѣятельность).—Многочисленные пациенты Бѣлоголоваго, навсегда сохранившіе въ сердцѣ его благо-